

НИК ПЕРУМОВ

УПОРЯДОЧЕННОЕ

Ник Перумов
Упорядоченное
Серия «Вселенная Упорядоченного»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69270232

Упорядоченное: Издательство "Феникс"; 2023

ISBN 978-5-222-35389-9

Аннотация

Сборник рассказов и повестей в жанре фэнтези о перипетиях судеб героев и событиях, происходящих в разных уголках авторской вселенной Ника Перумова Упорядоченное.

Маги и их ученики, охотники на нечисть, болотные дивы-некроманты, студенты и выпускники магической Академии будут спасать миры, разгадывать тайны, искать запретные знания и своё предназначение. Их ждут приключения, опасности, неожиданные встречи и любовь. Всё то, от чего получают удовольствие поклонники фантастики Ника Перумова.

В сборник входят:

«Вкругаля»

«Дурное место»

«Крыши академии»

«Мои путешествия с Кларой Хюммель»

«Неправильно лето»

Содержание

Вкругаля	5
Дурное место	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ник Перумов

Упорядоченное

*** * ***

Вкругаля

Кажется, было лето и был полдень, пахло соснами, хвоей и немного машинным маслом – это приятель Вадька хвастался новым великом, «старт-шоссе», пока его домой не загнали. Четвёртый класс позади, не хухры-мухры. Шалаш, что мы, четверо приятелей – я, Вадька, Наташка и Танька – строили весь июнь, опустел, Нату и Тату тоже позвали обедать, а я вот что-то задержался – ага, опять зовут! Бабушка из окна веранды. Иду-иду, бегу! Рыжие сандалии на босу ногу, расстегнулся правый, вечно он расстёгивается, сейчас я его...

– Не торопись, – солидно сказал пушистый кот рядом.

– Так бабушка же зовёт, – я не удивился говорящему коту.

– Зовёт. И надо спешить. Только дорога у нас с тобой дальняя.

– Дальняя? Улицу перейти!

– Не перейти, – наставительно пояснил кот, – а выйти сперва на Вторую Дачную, по ней до сквера Героев, повернуть на Первую Дачную, с неё на Осипенко, а с неё на Расковой, и уж только потом на Косую, а уж с Косой можно и к нам на Чкалова.

– Зачем? – удивился я. – Далеко так!

Коту я не удивлялся. Совершенно.

– Далеко, – согласился тот, не сводя с меня пристального взгляда. – Потому и спешить надо. Вкругаля пойдём. Посо-

лонь... А то опоздаешь... – он сделал паузу. – К обеду опоздаешь, говорю.

– А, знаю, – засмеялся я. – Я Крапивина читал вчера. “Голубятню на жёлтой поляне”. Вот ты мне теперь и снишься. Я сплю, и ты – из моего сна! Верно?

– “Голубятню”, говоришь? – Кот почему-то отвёл глаза, задумался. – Гм, ну да, конечно. Я из твоего сна, а ты спишь. Ну, вставай, соня! Мне недосуг. Ещё дел по горло.

И мы пошли – я и пушистый кот. Прямо по Второй Дачной. Проехала мимо автолавка, белый автобусик с надписью “*Latvija*” над узкой щелью радиатора, свернула во Второй Дачный переулок, загудела призывно. Прополз медленно и солидно 408-ой “Москвич”, о, а вот и “Победа” дяди Пети, соседа нашего.

Однако ушли мы с котом совсем недалеко.

– Эй, задрыга!

Я вздрогнул. Рыжий Пашка, из параллельного «б», первый хулиган четвёртых классов. И с ним ещё двое, вечная парочка – Синяк с Ремнём.

– Чё, в штаны наложил вчера? – ухмыльнулся Пашка. – Махаться один на один не вышел?

– А знаешь, что с теми бывает, кто трусит да крысит, через окно раздевалки сдрищивает? – осведомился Ремень.

Ремень – здоровенный, стриженный под ноль, учителя от него все стонут.

Кота рядом со мной они словно не замечали.

– Кто крысит, тому тёмную устраиваем! – загоготал Сияк. Из всей троицы он самый хилый, но самый вредный и отчаянный.

– А с тобой, задрыга, и тёмную много чести, – Пашка сплюнул. – Мы тебя и так, при свете!

В животе липкий комок страха, и потом покрылся лоб.

Я тогда сбежал от них, да, через окно раздевалки, хотя договорился с Танькой, что... что она меня подождёт.

После школы вместе до троллейбуса дойдём.

Но я испугался этой троицы, сбежал.

И Таня больше со мной уже не ходила и вообще долго не разговаривала.

Откуда тут взялись эти трое?! У нас каникулы! Учебный год уже месяц как кончился!

Я поглядел на кота, но тот сидел себе рядом, безмятежно умываясь.

– Кот!

– Какой кот? – удивился Пашка. – Ты мне зубы не заговаривай, задрыга! Говори, махаться будешь?

Махаться я не умею.

Не умею, но – встаю, как положено.

Пашка ухмыляется, широко размахивается, намереваясь заехать мне в ухо.

...Бабушка всегда говорила – не дерись, угодишь в милицию, в детскую комнату, из школы вылетишь, в 9-ый класс не возьмут, в ПТУ пойдешь!

Драться нельзя, я знаю. Хулигану как с гуся вода, а тебе «жизнь ломают», твердят взрослые.

...Но, пока Пашка замахивается, я чуть подшагиваю, и бью его прямой левой, с доворотом бёдер, прямо в большой веснушчатый нос

Ой!

Я же так не умею!

Я никогда никого не бил в лицо!

Пашка спотыкается, ломается, складывается пополам и падает.

Прижимая ладонь к лицу, а между пальцев – алые струйки.

Синяк и Ремень плятятся на меня в немом изумлении.

– Бежим, – вдруг шипит мне кот. – Прыгай через него!
Меж ними – и бежим!

И мы бежим.

Хотя за нами никто не гонится.

Мы пробежали квартал по Второй Дачной, и кот впереди меня вдруг резко сворачивает в переулок Островского.

Там Вадька живёт. В случае чего – к нему заскочим...

– Заскакивать не будем, круга дадим, – слышу я от кота. – Ничего, успеем...

И по-прежнему не удивляюсь. Ни своему умению, ни говорящему коту-поводырю.

Переулок Островского короткий, вон уже и Первая Дачная, над ней пыль – видно, только что грузовик протащился.

И за пылью я вдруг вижу её.

Таньку Махнину.

Ту самую. Она стоит и глядит прямо на меня, глядит растерянно как-то, словно домашку дома забыв. Хотя, конечно, она никогда ничего не забывала.

– Т-тань?

Они что, сговорились все? Сперва Пашка с Синяком да Ремнем, а теперь ещё и она.

Щеки у меня горят. Ой, ой, ой, до чего же стыдно...

Она меня ждала, а я струсил.

– Сашка, привет, – грустно говорит она мне. – Послушай, тут такое... помощь нужна...

Кот внимательно глядит на меня.

...Мы опоздаем, мы точно опоздаем, если пойдём за нею.

Кот выжидательно смотрит.

Но, уж раз я заехал в нос самому Пашке – ох, что будет-то, нажалуется наверняка, может, уже и в милицию побежал? – то...

– Конечно, Танюх, – говорю я как можно более независимо. – Идём. Жаль, велика нету.

Она улыбается, и мы идём.

Идём дальше.

* * *

...Дорога заканчивается.

Вот уже конец Косой улицы, видно начало нашей Чкалова. Сколько ж мы проходили? И почему я про бабушку не подумал? Что она скажет, когда узнает, что с нами приключилось?

– С бабушкой всё будет в порядке, – говорит кот. Ему тоже досталось.

Роскошная шубка кое-где подпалена, с другой стороны – свисает мокрыми сосульками.

– Мы... успели? – спрашиваю я. Почему-то мне кажется, что нет. Не зря же Таня крикнула, прежде чем исчезнуть – «опоздаешь!»

– Успели, – удовлетворённо говорит кот. – Хотя и времени в обрез осталось.

– Постой, – говорю я. – То, что мы видели, там, на ручье через Осипенко...

Кот отворачивается и вновь принимается вылизываться, хотя времени, говорит, уже не осталось.

– Те трое... Трое мальчишек...

– Не думай про них, – перебивает кот.

– Всему своё время, – добавляет он вдруг чужим голосом.

– Кот...

Те трое на деревянном мостике, под которым мы пролезли, трое, которые звали меня...

– Ну, чего «кот»?

Мы уже у самой калитки нашей дачи. В песочнице играет пятилетняя Ленка, внучка хозяйки.

– Это ж всё не просто так, да?

– Понял, да? Догадался, да?

– Трудно было не, – говорю я... нет, уже не я. Взрослый и солидный, поживший человек. – “Голубятня на жёлтой поляне” тогда ещё не была написана. Крапивина я читал, но – “Мальчика со шпагой”, в “Пионере”, а там никаких снов не было.

Кот что-то хочет сказать, но этот “другой я” его останавливает.

– Пашка – это раз, когда я струсил. Танька – это два, я её предал. И остальное – там, на ручье, когда под мостом бежали, через воду...

– Зато сейчас, – перебивает кот, – ты не струсил и не предал. Закрыв грехи свои.

– Грехи? – вновь усмехается тот я, который не я. – Грехов у меня много, кот, и таких, что...

– А про них, – щурится он, – уже не тебе судить. С чего всё началось, с чего дорожка кривая потянулась – то и грех.

Я сажусь на корточки, протягиваю руку, глажу мягкую шелковистую шерстку там, где её не тронул огонь и не намочила вода.

– Кот, – говорю я. – Ты ведь не просто так кот, верно? Ты...

– Как это «не кот»? – возмущается мой пушистый товарищ. – Самый что ни на есть кот! Вот, смотри сам! Лапсы, усы, хвост! Всё, как полагается!

– А кто у вас тогда «не просто так»?

– Собаки, – помедлив, отвечает он. – Не все, конечно. Но они – да. Они служат. А мы – мы коты, просто коты.

– Проводники... – говорю я. Голова слегка кружится.

– Проводники, – соглашается кот. – Ты вот меня не помнишь, и хорошо...

– Как это «не помню»? Я тебя прекрасно помню, – говорит я, который не я, совсем другим голосом.

– Мы с тобой были друзьями, долго-долго. Я работал, а ты сидел рядом, мурчал. Я спал, а ты приходил, топтался по одеялу, засыпал под боком. Только вот моего старшего ты больше всех любил, мне кажется.

Кот резко выгибает спину, глаза вспыхивают.

– Как?! – шипит он, но не зло, а скорее растерянно. – Ты не должен был! Ты не мог! Нельзя тебе про это помнить!..

– Ничего, дорогой мой, – я глажу кота, и он не отстраняется. – Не только вы умеете удивлять.

– Эх... – грустит кот. – Я хотел, чтобы как легче...

– Я понял. И спасибо тебе, – я поднимаюсь. Всё, время почти вышло. К бабушке пора. Только почему к ней? Почему вообще сюда?

– Она заслужила, – вздыхает кот. – Она тебя больше всех любила, и вот... это её рай. Когда дочка молодая ещё, и бабушка твой жив и работает, и ты, любимый внук, рядом. Так что уж постарайся, не подведи меня! Хотя ты и так молодец, выдержал.

– Спасибо, – я всё глазу кота. – Остался бы ты хоть на чуток, а?

– Не могу, – мотает он головой совсем по-человечески. – Мне к твоему старшему спешить надо. Ты прав, хозяин, я его любил... и люблю. Он там один, в большом городе... через пару дней подберет котенка.

– Присматривай там за ним, – говорю я через комок в горле.

– Не волнуйся.

– Кот, а ты не скажешь, как я... когда я...

– Не скажу! – обрывает кот. – Ты и так слишком много знаешь. Но ты не бойся, всё будет хорошо у твоих. Я сам пригляжу и другим накажу.

– А... остальные... мама... отец?

– Всех увидишь, конечно же, – удивляется кот. – Они же приезжали к вам на дачу!.. А с отцом твоим Найда, она за ним присматривает...

Ну, конечно, Найда. Любимая папина собака, одна-единственная.

– Спасибо, кот, – говорю я. – Вот теперь действительно всё. Беги. За старшим следи.

– В оба глаза, хозяин! Когда я тебя подводил?

– Никогда.

– Внууучек! – окно раскрывается вновь. Бабушка в переднике строго смотрит на нас. – О, и Маркиз пришёл. Котик, тебе тоже еды положить?

– Мьяяяя! – немедля отвечает тот.

И мне, вполголоса:

– Немножко задержусь... твой старший ведь не обидится?

– Конечно, нет. – Я встаю. – Я здесь, ба! Иду, ба! Прости, что опоздал!

– И вовсе не опоздал, мы как раз стол накрыли, я творога достала, такой хороший творог, просто замечательный, сырников вот нажарила...

Я взлетаю через подоконник на веранду, оборачиваюсь – кот величественно кивает мне на прощание.

А через пару дней мой старший подберёт котёнка.

Дурное место

Место, куда он приехал, было дурным, сразу видно. Низкий подтопленный ольшанник, островки невысокой земли, утопки, как называли их местные обитатели. Густые подушки серого мха, словно смертные подголовники – такие кладут в домовины женщинам. Деревья ещё живы, то тут, то там попадались скривившиеся, словно от боли, сосны. Многие уже повалились – болото наступало на здоровый лес и это наступало не простое болото. Кое-где мёртвые комли изглодал огонь – наивная попытка поселян и здешнего комеса хоть как-то противостоять угрозе. Нет, нет, разумеется, не болоту.

Тёплый день, тихо, лишь ветер слабо шелестел осокомем. Сочные стебли лихوليства злорадно перешёптывались, и пробиравшийся через хмарть человек то и дело останавливался, болезненно морщился, к чему-то прислушиваясь.

Плечи человека окутывал плотный чёрный плащ, выдавший виды, во многих местах кое-как заштопанный и залапанный. Некоторые заплатки имели весьма странный вид – в ход пошли обрывки старых кольчуг, так что в складках одежды частенько мелькал металл. Каким-то образом всё это сооружение ухитрилось не звякать при ходьбе.

Человек сумел выбраться на сухое лишь в самом сердце заболоченного леса. Вокруг воздвигся настоящий заплот из

мёртвых поваленных деревьев, почтит в человеческий рост вздыбились заросли хвостатки; молодые гидры нагло поднимали головы над чёрными застойными лужами.

Путник оказался на островке несколько больше простых утопок, хотя и длинны-то в нём не сочлось бы и четырёх десятков шагов. Здесь явно постарались чьи-то руки. Или, впрочем, лапы. Стволы по окружности островка аккуратно подрублены на высоте человеческого роста и обломаны, так, чтобы комль оставался бы сцеплен с пнём. Мелкие ветки обрублены, побольше – заострены и концы обожжены. Да ещё и набиты многочисленные колья, тоже смотревшие в грудь пришельцу. Пространство меж стволами перекрыто плетнями, шипастыми ветками отравника, стянуто вервием из полос дроковой коры – здесь укреплялись всерьёз, конечно, не против настоящей армии. Настоящая армия, впрочем, сюда бы просто не полезла. Разбежалась бы, завывая от ужаса, а рискнувшего отдать подобный приказ командира просто распяла бы на первом попавшемся дереве.

Пахло гнилью, старой корой, острым диким луком – на болотах он не растёт, верно, высадили бывшие хозяева этого места. Пахло и ещё чем-то сладковатым, словно здесь когда-то давно вываривали корни осокоря, якобы богатые сахаром.

Человек осторожно перебрался через засеку, брезгливо волоча за собой мокрый по подолу плащ. Оружия он при себе не носил, широкий нож на кожаном поясе – скорее обыч-

ная снасть странствующего через леса, а не средство расправы с себе подобными.

В самой середине сухого пространства высилось нечто вроде бобровой хатки, только выстроенной почему-то далеко от воды. Вниз вёл узкий наклонный ход. Из дыры тянуло тухлятиной.

Человек с отвращением покачал головой. Достал нож, срезал несколько веток и принялся плести нечто вроде грубой пятиугольной люльки, каким ребятишки играют в «зацепи-сохрани». Сплёл, полез за пазуху, извлёк небольшой плоский пузырёк коричневого стекла, аккуратно капнул на каждый из пяти углов получившегося плетения и что было силы зашвырнул своё «изделие» в тёмный лаз. Выдернул нож, остриём поспешно очертил круг, встал в него и застыл, скрестив на груди руки. Тусклое солнце нехотя блеснуло на серой стали широкого клинка, испещрённого грубо прокованными пупырчатыми рунами.

Некоторое время спустя из-под земли послышался писк, словно несколько сотен крыс устроили там отчаянную битву. Крыша из плотно сложенных веток и кусков дёрна заходила ходуном, с громким треском разлетелась в самой середине, наружу высунулась гротексно-человеческая рожа: плоская, с широко разинутыми круглыми глазами, свойственными скорее ночному обитателю, вывернутыми наизнанку и смотрящими вперёд ноздрями, исполосованная белесыми шрамами. Рожа широко распахнула рот, наполненный мел-

кими остренькими зубами, торчавшими аж в три ряда, и истошно заголосила.

Человек вновь поморщился, вкладывая кинжал в ножны и зажимая ладонями уши.

Из лаза тем временем медленно поползли струйки дыма, лениво, словно упираясь. Невидимые крысы продолжали отчаянно пищать.

Дым отвратительно вонял, горелым пером, мокрой тлеющей шерстью, псиной и ещё чем-то куда хуже псины. Сладковатый запах стал почти нестерпим.

– Боооольно! – наконец прорезалось в вое плосколицей твари нечто осмысленное. – Всё отдам! Всё! Пощади!.. Всё твоё будет!

– Говори слово, – невозмутимо бросил стоявший в круге человек, опять извлекая широкий нож и со скучающим видом им поигрывая.

– Ы-ы-ы-ы! Ее-е-ет!

– Отказываешься, значит? – меланхолично бросил человек, отворачиваясь от явно застрявшей в крыше своего жилища твари.

Болотный обитатель завертел уродливой лысой башкой, задёргался, затрепыхался, но невидимые путы держали крепко. На жуткой физиономии существа смешивались сейчас и мучка, и отчаяние, из круглых глаз текли крупные желтоватые слёзы.

– Плачешь? – человек нагнулся, поднял что-то с земли,

выдирая из-под плотно налезшего слоя мха. – Они вот тоже плакали.

Руки его в грубых перчатках чёрной кожи держали небольшой человеческий череп – скорее всего, ребёнка. Левая височная кость была разможена.

Желтолицый задергался, пытаясь разметать крышу, но подпиравшие подбородок ветки держали крепко, неожиданно обретая прочность стальных оков.

– Поплачь, поплачь, – сухо сказал человек, поддёргивая рукав куртки. – В последний раз плачешь.

– Пощады-ы-ы... – выло существо, однако его мучитель лишь холодно, без всяких эмоций, качал головой. Правда, по его вискам тоже катился пот, а кулаки несколько раз судорожно сжались, словно от боли. Пленный и вроде бы как беспомощный враг сдаваться не собирался.

Крысиный отчаянный писк внезапно сменился каким-то надрывным, ввинчивающимся в мозг визгом, сотен и сотен тонких, на самом пределе слышимого голосов; лес пошатнулся, всплеснулась вода в чёрных бочагах, незримая рука вмяла во мхи нагло задранные стебли хвостовок, с натужным треском стали рушиться надломленные стволы в засеке. Человек застонал, вскидывая ладони к вискам, и тут из лаза, сочащегося дымом – густым и тяжёлым, словно смешанная с гноем сукровица – выметнулась волна существ, карикатурных помесей человека и крысы, и размером не больше крысы, с голыми розовыми хвостами. Большая часть созда-

ний выглядело весьма неважно – у кого горела шёрстка на загривке, у кого хвосты распадались ошмётками стремительно гниющей и отваливающейся на ходу кожи, у кого из развороченных, неведь чем нанесённых ран, торчали обломки почему-то обугленных костей.

Однако ярости и жажды убивать хватило бы на большое людское войско.

Свора бросилась к очерченному рунным клинком вокруг человека кругу, бросилась и с визгом было отступила; кое-кто самый ретивый уже корчился на окровавленном, вымазанном какой-то зелёной мерзостью мху – животы распороты, кишки наружу. Однако застрявший в собственной крыше див завыл, заверещал и загукал на совершенно неведомом языке, и тварюшки, вереща, дружно кинулись вперёд. Уродливые тельца лопались, едва они оказывались над зачарованным кругом, мутная, дымящаяся кровь выплёскивалась длинными языками, словно магия в единый миг выжимала из созданий все жизненные соки; и следующие ряды ухитрялись продвинуться чуть дальше незадачливых собратьев.

Человек застонал, потом зарычал ничуть не хуже болотного дива. Зашатался, срывая завязки плаща и слепо отбрасывая в сторону. словно газыри, на куртке тянулся ряд вставленных в кожаные гнёзда флаконов, пальцы слепо вцепились в один, крайний, непроглядно-чёрный, сорвали осургученную пробку. Рука широко размахнулась, за склянницей тянул-

ся веер тяжёлых маслянистых брызг. И совершенно чёрных.

Капли на лету начинали преобразоваться, трансформируясь в подобие трёхзубых гарпунных насадок. Во множество таких насадок. На лезущих через отпорный круг бестий обрушился настоящий колючий дождь – каждый «гарпун» намертво пришпиливал к земле пять, шесть, а то и семь созданий. Воронёные острия впивались в тело, круглая и плоская пятка давила, плющила и впечатывала в твердь.

Не минуло и пяти ударов сердца, как всё было кончено. Человек стоял посреди широкого серо-красно-чёрного пятна. Крысокарлы были мертвы, все до единого, и болотный гад только и мог в изумлённом молчании пялиться на свершившееся побоище. Он, похоже, забыл даже о боли.

Маг, однако, не забыл. Оправился он не сразу, долго тёр лицо, промывал глазницы снадобьем из плоской фляжки – а когда наконец взглянул на завязшую тварь, та мигом расползла тишину таким визгом, что впору было оглохнуть.

– Сладко? – прохрипел человек, и теперь его голос уже не казался ни холодным, ни сдержанным. – Сладко? А будет ещё лучше. Я тебе это о... обещаю. – Он скривился, хватаясь за бок.

Див выл. Боль в этом вое раздирала кости, щепила их, добираясь до тёмно-алого мозга, кожа на лысом черепе твари начала лопаться, трещины истекали густой коричневой жижой.

– Ну, помогли тебе твои поскрёбыши?... – продолжал меж

тем хрипеть человек. – Не помогли. И ни в жисть не помогут. Хоть я на них и потратился, – он потряс опустевшим флаконом. – Так что говори слово.

– А... отпустишь?... – донеслось до человека в промежутках между взвизгиваниями.

– Отпущу, – лицо мага дёрнулось. – Но из этих мест изгону. Довольно ты тут порезвился. Спрысну тут вот этим... – подрагивающие пальцы выудили из обвязки ещё один флакон. – Не вернёшься. Давай, говори. Крыть тебе больше нечем.

Уродливая башка дива повертелась ещё из стороны в сторону. Но внизу трудилась какая-то уж больно едучая магия – и, не выдержав, тварь наконец заорала, засвиристела, завыла на добрый десяток голосов. Непосвящённое ухо не поняло бы просто ничего.

– Славно, славно, – человек перевёл дух, кадык дрогнул. – Не соврал... надо же. Ладно. Молодец, – ухмылка чародея стала совершенно отвратной.

– А-атпустишь? – с надеждой промямлило существо.

– Угу, – кивнул чародей. Шагнул ближе к диву, левой рукой вытягивая из газыря новую стекляницу. – Башку подними. Мне ошейник твой ослабить надо.

Желтолицый с готовностью задрал круглый подбородок, открывая глотку, всю в морщинистых складках, усеянных мелкими шипами.

Правой рукой человек молча врубил широкое лезвие те-

сака диву под подбородок. Удар получился так себе, боевые искусства среди талантов чародея явно не числились. Клинок рассёк гортань и позвоночный столб, острое вышло наружу. Оскалившись волком, человек налёг на рукоять, проворачивая оружие в ране.

Див засипел, коричневая кровь вскипела, запузырилась по краям раны, хлынула потоком на жердяную крышу хатки, и ветви мгновенно задымились. Глаза чуда вылезли из орбит, челюсть клацнула – последняя судорога не как у человека расположенных мускулов. Но ни прохрипеть, ни пробулькать, ни прошипеть излюбленное у нечисти предсмертное проклятье он не успел. По круглым глазам кто-то словно мазнул мутью. Круглая башка запрокинулась, жуткая рана открылась, словно рот в последнем отчаянном крике.

Чародей вновь подобрал оброненный раньше череп погубленного болотником ребёнка, аккуратно завернул в белый плат и спрятал. Рассовал по вставкам фиалы. Долго и нудно выводил на земле не один, а сразу три концентрических круга – наверное, требовалась нешуточная защита.

Глубоко вдохнул, сорвал перчатки, нервно вытер вспотевшие ладони. Облизнул пересохшие губы. И – точно так же, как див, загукал, заверещал, завыл, оглашая затопленный лес словом убитого болотника.

Земля затряслась, заходила ходуном, с треском ломались стволы поваленных сосен, точно их крошила невидимая великанская рука. Из бочагов выметнулись бледные головы

гидр, шеи мотались из стороны в сторону, белесая плоть лопалась, словно перезревшие дыни, и стражи островка умирали, так и не исполнив свой долг. На месте хатки болотника взвился настоящий смерч, вверх летели дёрн, сучья, комки земли, изодранные пласты мха. Тело самого дива распалось серым пеплом, кости и плоть мгновенно истлели, словно пролежав так много даже не дней, а лет.

Чародей скорчился внутри своего защитного круга, невольно нагибая голову и прикрывая руками затылок. Летящие во все стороны сучья с обломками отскакивали от невидимой стены; где-то далеко, на соседней островине за моховым мостом тоскливо взвыл ещё какой-то гнусаво-гнусный голос, словно оплакивая смерть собрата.

А когда всё стихло, на месте жилища дива осталась широкая яма, настоящая воронка, быстро насасывающая воду. На дне – два цвета – белый и золотой. Белые кости жертв и золото алчно собиравшейся и бесполезно копившейся добычи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.